

НИКОЛАЙ
ПЛАХОТНЫЙ

ВИД С БОЛЬНИЧНОЙ КОЙКИ

Николай Плахотный

Вид с больничной койки (сборник)

«Алисторус»

2011

Плахотный Н. Ф.

Вид с больничной койки (сборник) / Н. Ф. Плахотный —
«Алисторус», 2011

У каждого – свой опыт общения с людьми в белых халатах, достойный повести и новеллы, а скорее, драмы и трагедии... Но до сих пор на книжных полках не встречалось записок пациента. И вот они появились. Рискнул их написать Николай Федорович Плахотный – профессиональный журналист, который за свою жизнь прошел все ступеньки СМИ, от многотиражки до центральных изданий. Как горько узнаваемо то, что найдет читатель в его необычной книге: ведь подобные истории, изложенные на этих страницах, случались или могут случиться с любым из нас, за исключением так называемых vip-персон страждущего человечества, удостоенных особых опеки со стороны жрецов и слуг Гиппократов. А нам, простым смертным, упаси бог столкнуться с отечественной медициной, которая, как и власть, пронизанная взяточничеством, коррупцией, трещит по швам со времен развала Советского Союза.

© Плахотный Н. Ф., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

От автора	5
Одна живём	6
Вид с больничной койки	6
1	6
2	7
3	8
4	11
5	14
6	16
7	17
Сошлись во мнении	23
Первый заход	23
Второй заход	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Плахотный

Вид с больничной койки (сборник)

Валентину Валентиновичу Калининкову, доктору медицинских наук, профессору

От автора

Были среди медиков классные литераторы... Самый знатный – Антон Павлович Чехов. По свежим следам его примеру последовал Викентий Викентьевич Вересаев, сын врача, сам практикующий врач. Медицинскую тему разрабатывал и Михаил Афанасьевич Булгаков. Именно с «Записок врача» началось его литературное поприще.

А какие умные, замечательные книги вышли из-под пера уже наших современников: академика Николая Амосова и его коллеги «по цеху», тоже академика Федора Углова. Ими зачитывались не только интеллектуалы, а и простолюдины. В Средние века, в седой древности в мировую литературу внесли весомый вклад Авиценна, легендарный Гиппократ и другие.

Но до сих пор нет на книжных полках – или еще не напечатаны! – записок пациентов. А ведь нашему брату, право, есть что поведать. Да вот же как случается: переболели – и забыли. Хотя и могли бы взяться за перо... Да бывает поздно, поезд ушел!

Я дерзнул... Отложил в сторону срочные дела, решил осмыслить собственный опыт пациента. Пригодились и дневниковые «затеси», сделанные иной раз на койке, впопыхах, на подвернувшихся под руку листках, под косыми взглядами ревнивых врачей... Весьма кстати оказались «протокольные» исповеди друзей и соседей по палате. Порой то был крик души.

Шли чередой годы, десятилетия. Незаметно образовалась, как говорят физики-ядерщики, критическая масса. Мне оставалось только ее упорядочить. Так вот, вроде бы «из ничего» выплеснулись со дна души на бумагу персональные записки пациента.

Одна живём

Вид с больничной койки

1

В зимних моих планах госпитализация не значилась. Вышло же наперекор всему и вся. Явившийся по вызову участковый врач, прослушав левое и правое легкое, почему-то сердито изрек:

- В клинику, немедленно!
- Да как же... У меня дела...

Через полчаса у подъезда заскрежетала разболтанными тормозами машина с полустертой красной полосой.

В приемный покой брел я на ватных ногах. Переступив шербаый порожек, отпрянул было назад. Показалось, что по недоразумению угодил в подсобку молочно-товарной фермы захудалого колхоза. К тому ж тут было холоднее, чем на улице. Да и немилосердно воняло, как в туалете Казанского вокзала.

- Смелей, смелей заходите, – пропищало из-за ширмочки. – Будем сейчас беседовать.

Сделав два шага в сторону, оказался в закутке. За чистым, без единой бумажки столом сидело молоденькое существо – то ли доктор, то ли медицинская сестра – с блестящим фонендоскопом на хилой шейке. Строгим голосом приказала раздеться донага. Долго-долго я разоблачался, аж вспотел.

Процедура обследования была явно формальная: тыкнули металлом один раз в грудь, потом еще со спины. Пока я влезал в свою одежду, девица в белом халате завела на меня дело (историю болезни) под номером 11270. После чего вызвала проводницу.

Меня долго вели сумеречным, кривоколенным тоннелем; узкими закоулками, стены были испещрены какими-то бессмысленными словами и загадочными знаками. Наконец остановились перед грузовым лифтом. Он поднял нас на верхотуру. На противоположной стене с трудом читалась вывеска: «1-я терапия».

Прошли полумраком с десяток шагов, оказались на плохо освещенной площадке.

- Куда новенького? – крикнула моя валькирия в пространство.
- Заводи в 409-ю.

Первое, что увидел, – устремленные на меня пять-шесть пар пронизательных глаз.

Непроизвольно вырвалось:

- Здравствуйте, товарищи!

Ответом было молчание.

Не разбирая постель, в одежде бухнулся на койку.

Больничная жизнь вошла в нужную колею, покатило колесо за колесом. Впрочем, не набрав нужных оборотов, на повороте угодил в колдобину. Из телеги едва на обочину не вывалился.

Отчетливо помню: на завтрак давали рисовую кашку. Сидел я на койке с тарелкою на коленях, меланхолически пережевывал казенное варево. Вдруг в зеве что-то кольнуло. Я закашлялся, изрыгнул. На ладони оказался остроконечный стальной завиток: обрывок от мочалки, которой чистят кухонную утварь.

Находка пошла по рукам.

– Кабы проглотил, не обошлось бы без резекции, – шегольнул хирургическим термином сосед Борис Николаевич. Судя по внешнему виду, он прошел огни и воды. Все тело бедолаги было покрыто рубцами, шрамами.

По подсказке сопалатников понес я «пищевую добавку» буфетчице Надежде Николаевне. Поилица-кормилица отреагировала безо всяких эмоций:

– Ай, не бери в голову... Получай добавку.

– Да мне и той порции хватило.

– Ешь, ешь, здоровей будешь.

Я не паникер, успокоился. А дня через два вдруг опять...

Ужин привезли на тележке прямо в палату: геркулес или манную кашу. Взял геркулес, любимое блюдо. Ем неспешно, стараясь продлить удовольствие. Но что это... По небу будто лезвием бритвы провели. Боже, опять! Вместе с кровью выплюнул осколок бутылочного стекла. Как шальной, выскочил в коридор, едва не сбил с ног шеф-повара Михееву В.С. Прямо в руки передал смертельную находку. Пообещала разобраться. Однако с того вечера Веру Сергеевну больше не встречал, хотя прежде на наш этаж она частенько навевывалась. В 1-й терапии, в индивидуальной палате лежала матушка главного врача больницы В.В. Никулина. По собственной инициативе шеф-повар персонально обслуживала родительницу «хозяйина» клиники. Приносила заказные, персонально изготовленные блюда – вместо того, чтобы серьезно делом заниматься.

– Плюнь, браток, не связывайся, – посоветовал Борис Николаевич. – Если же повторится, тогда уж катанем общую телегу, напрямиком в горздрав.

Внял совету ближнего. Не стал собачиться. Да и силенок не было.

На том приключения не кончились. Из холодильника умыкнули кус сыра. Для неработающего пенсионера – весомая потеря. Тем более что накануне продукт сей чуть не втрое подорожал. Было подозрение, к краже причастны кавказцы из бокса, что напротив нашей халупы. Накануне там была ночная гулянка. Искали закуску... Аллах им судья. Наступил сам себе на горло: подавил крик... Задумался о вечном, высоком. Вывело из забвения очередное (внеочередное!) ЧП. У крайнего в нашем ряду Левицкого В.В. украли бумажник. Ценное выпотрошили, документы нашли в урне на межэтажном переходе. И за то, как говорится, спасибо. Однако настроение в палате скверное: хоть текай. Это – не больница, а одесская барахолка сороковых годов прошлого века.

2

На пятые сутки синклит отделения определил диагноз: пневмония с бронхиальным компонентом. Койка моя стояла у окна, из щелей дуло, как из подворотни. К тому же двери в палату не закрывались. Их сорвал с петель сквозняк в бытность июльской бури. Потому мои компаньоны, кроме основных своих болячек, периодически обретали новые. Порог 61-й больницы переступил я с температурой 37,4, через трое суток на градуснике было 39, 6. Чувствовалось, и это не предел.

Сменили антибиотик. Сказали: кончился! Назначили то, что оказалось под рукой. И опять незадача. Лечащий врач Татьяна Юрьевна, торопясь в отпуск, не указала дозировку. Впереди же было целых два выходных дня. Медсестры на свой риск решили: выдавать уменьшенную дозу.

В понедельник с отчаянья постучался в дверь кабинета завотделением А.З. Нагиевой. Поведал о своих злоключениях. Алина Зиятдиновна посмотрела на меня печально и молвила:

– Больше юмора, больной. Вам вредно волноваться.

Рад бы шутки шутить, душевных сил не хватало, чтобы нейтрализовать окружающее зло.

Первый зимний день календаря запомнился тем, что получил изрядную дозу адреналина прямо в сердце. Случилось это у кабинета ингаляций. Здесь всегда сутолока, толчея. Страсти накаляют блатные с улицы. Услуги они, как правило, получали без очереди, по персональному вызову медсестры. Талон у меня был на 9.20, часы показывали уже половину одиннадцатого.

На меня нашла оторопь, апатия. Захотелось свернуться калачиком. Жаль, мала была скамья. Еле ноги волоча, дошел до лифта. Потом по стенке, по стенке доковылял до своего логова. Левицкий с одного взгляда определил мое состояние и пошел искать врача.

Я размежил глаза: у изголовья стоял незнакомый врач. Весьма похожая на Афины Палладу, царственно-величественная, только без меча. Взяла мою руку, пощупала пульс.

– Что случилось?

Сбивчиво, путано рассказал о сутолоке у дверей ингалятория.

– Не забивайте себе башку чепухой.

Достала тонометр. На шкале высветилось 185/90. Таких показаний у меня сроду не было. Явилась медсестра, врезала в ягодицу два кубика реланиума с димедролом. Вскоре все мне было уже «до лампочки». Стал спокойным, как шланг, из которого выпустили воду.

3

Бронхитников с астматическим компонентом терапевты называют хлюпиками. Не только за то, что наш брат (и сестра тоже) постоянно шмыгают носом, – к тому же страдаем мы повышенной чувствительностью на запахи и раздражения.

Курс моего лечения шел по казенной схеме. Доктора нажимали исключительно на лекарства. К таблеткам прибавили физрастворы с добавкой калия, магния и всемогущего эуфиллина. Шло как будто на поправку. Но как на грех в Москву нагрянул с севера циклон, через щели в окнах дул немилосердный норд-ост. В палате сифонило. Среди ночи температура моя подскочила к 39. Грудь словно ватой заложило. Кашель разрывал бронхи, легкие. Чувствую – задыхаюсь. В критический момент закричал благим матом, ибо электрическая сигнализация на медпост теперь повсеместно или отключена, или нарочно сломана, дабы не возбуждать панических настроений.

На крик явился полусонный врач-дежурant с другого этажа: молоденькая, хрупкая, совсем девчушка. Послушала – грудь, спину... Покачала головой: «Убегайте-ка отсюда поскорей... своими ногами». Да я и не прочь был, хоть сей момент, но как же без документов? Тут же, как на зло, подряд три красных дня в календаре.

Короче, докашлялся до крови, хотя перед тем бронхи были вроде бы сухие. Врачи требовали пробы на анализ. Я лишь руки разводил: чего нет, того нет! Не обессудьте! Теперь же будто из помпы полилось, только емкость подставляй... Но возникла закавыка сугубо канцелярского свойства: врачи заранее не побеспокоились вооружить меня необходимыми документами. Иными словами, не выписали направление в лабораторию. А без бумажки – ты букашка... Я решил попытать счастье.

Несмотря на череду праздничных дней, лабораторный комплекс функционировал в обычном режиме.

В первом кабинете, узнав, в чем вопрос, не захотели дальше и разговаривать. В другом, углядев, что я с пустыми руками, напустили на свои физиономии отрешенный вид с последующим комментарием: им, дескать, категорически запрещено обслуживать пациентов без надлежащей сопроводительной. На обратном пути попал в открытый кабинет. В глубине сидела хозяйка, склонившаяся в три погибели над микроскопом. Похоже, врач. Запомнил ее имя-отчество: Галина Васильевна... Не рассуждая ни о чем и не вдаваясь в детали «вопроса», вручила мне «чашки Петри», приказала зайти за ширмочку и там хорошенько прокашляться. Все это я прилежно исполнил... В палату летел, как на крыльях, будто дуриком выиграл миллион

по лотерее. То был единственный случай, когда в ГКБ-61 ко мне отнеслись истинно по-гиппократовски.

Кто-то сказал: на земле два самых печальных места – тюрьма да больница. В принципе человек к любой обстановке приспосабливается, даже в аду «живет». Другой вопрос: за ради чего страдаем, какую цену за «неудобства» платим. И все равно, есть же предел человеческому терпению.

В 409-й был свой «рецидивист», Александр Л. В ту пору было ему лет тридцать. Профессиональный дворник – называл себя «дворецким»... От скуки и интереса ради получил права водителя троллейбуса, катал свою «лайбу» по пятому маршруту... И все же вернулся в ДЭЗ, на прежнюю работу. Объяснил так: «Здесь я сам себе хозяин». Человек же он, как выяснилось, недюжинный, творческий. Нет, не стихи и не картины пишет – на досуге разработал Алекс оригинальную технологию уборки тротуара, позволявшую труженику метлы и лопаты на 25 – 27 процентов сократить личные физические затраты!

Местная управа засуетилась: нонсенс. Ведь заодно с дворником-рационализатором конторские захребетники обращали на себя внимание вышестоящего начальства и заодно, значит, могли обрести политический капитал.

На участке «дворецкого» сгоряча устроили показательный семинар с чаепитием из рюмок. Распространение же опыта новатора застопорилось. Аппаратчиков захлестнула рыночная стихия – точнее сказать, бум гаражного строительства. В середине 90-х годов спекуляция земельными участками для металлических пеналов затмила нефтяной и газовый бизнес вместе взятый.

Конечно же, для любого авто нужна крыша и увесистый замок на воротах... А все ЭТО должно ведь стоять на земле... Канцелярская кодла великие деньги делала ленивым росчерком тридцатикопеечной шариковой авторучки. Рука «дающего» порой немела; золотой поток не ослабевал. За какие-то два-три года белокаменная столица превратилась в «Шанхай» со своей спецификой... Оную придают Москве бесчисленные стаи бродячих псов. Поголовье бездомных «друзей человека» статистика ориентировочно определяет в полмиллиона или около того. В то же время достаточно точно известно: до сорока тысяч граждан обращаются за медпомощью в связи с покусками собак. Для многих «гомо сапиенс» стычки с четвероногими кончаются летальным исходом.

Все эти вопросы дворник-интеллектуал обозначил в своем послании на имя мэра Лужкова. Ответа не было... Между прочим, братва 409-й палаты держала под контролем переписку дворника с важным государственным деятелем. Ксерокопию зачитали чуть ли не до дыр. Некоторые даже на всякий случай переписали регистрационный номер документа. Автор же, конечно, все помнил наизусть и держал на личном контроле. Бывало, когда в палату навещался отец Алекса, первым вопросом был: «Есть ли новости?» (Подразумевался ответ из мэрии!) Визитер разводил руки в стороны. И без слов все было понятно.

Вообще тот год для Л. выдался никудышним, трижды побывал в одной и той же клинике. Диагноз: обструктивный бронхит в сочетании с анемией (по-народному, малокровие). Недуг сей передался от матушки. Она скончалась в молодом возрасте после неудачного вторжения хирургов в головной мозг. С тех пор в осиротевшей семье укоренилось недоверие к медицине как к таковой. Отец же вообще не признавал казенных эскулапов – пользовался услугами народных целителей. Авторитет его по медицинской части – дед Пафнутий, живущий на восточном склоне Карпат, в селении Кабаки. Москвич с Пречистенки навещался к знахарю регулярно раз в два года. Всякий раз возвращался домой сильный духом. И телом тож.

Папаня Алекса – увядшая копия своего сына... Тот же бегающий взгляд исподлобья; пунцовая родинка, но не на левой, а на правой щеке; гибкий, прямо-таки юношеский торс; скользящая, будто на роликах, походка. Приносил родитель «с воли» один и тот же презент: две буханки «бородинского» да флакон святой водицы из родника при храме Переяславской

Богоматери. Чернушку Александр поглощал благоговейно, будто просвиры, к водиче же относился без видимого почтения. Как и к лекарствам: принимал их бестолково, с нарушением предписаний. Причем дозы делил на две, а то и на три части. Безоговорочно признавал только капельницы и уколы. Говоря: «Сие зелие идет напрямую в кровь».

Как только до ушей нашего сопалаточника долетело слово «пункция», помчался с заявлением к зав. отделению: дескать, отказывается от обследования. Вплоть до выписки!.. Просьбу в момент удовлетворили. Вслед было сказано: вход в клинику ему впредь заказан. Хотя средний и младший медперсонал втайне держал сторону Алекса. При нужде его использовали на физических работах в качестве такелажника, когда необходимо было переместить какой-то громоздкий предмет, перевезти тяжелобольного с места на место. В экстренном случае готов был любому вызвать медсестру, доктора. Так что Л. в глаза и за глаза называли братом милосердия.

Вообще палаточное сообщество, как правило, являет собой маленькую коммуны, в которой четко разграничены функции и обязанности едва ли не каждого – с учетом индивидуальных возможностей. Причем исключительно на добровольной основе. На этом фоне печально выглядят отщепенцы-индивидуалы. Им сродни новички, прозябающие в холле, в коридоре. Они оторваны от сообщества, им же словом-то не с кем перебраться. А в случае чего не к кому обратиться за малой услугой... Той же водиче подать, чтобы таблетки запить. Так что нескрываемое желание каждого коридорника – приобщиться к компании, стать сопалатником.

Х. прибыл в Первую терапию своим ходом. В палате места не нашлось. Устроили на диване, в холле, напротив медпоста; приписан же был, как сказать, к туалету нашего блока. По какой-то причине сестры изменили ему маршрут. Стал новичок хаживать в 405-ю палату.

Никто и ничего не знал об этом человеке: кто, откуда, с чем поступил. Внешность же бросалась в глаза: в каком-то смысле была демоническая, что ли. Между прочим, напоминал мима в гриме... Лицо будто маска. Выразительные, глубоко посаженные глаза с грустинкой. Скорбные складки у рта; гибкие, пластичные руки. Чувствовалось, человек – необычной судьбы. У меня мелькнула мыслишка: не помешало бы с товарищем по несчастью поближе сойтись.

После ужина вся братва разошлась по закоулкам, по делам. Я с книжкой расположился наискосок от медпоста, подле китайской розы: она была в полном цвету.

И все же есть, есть предчувствие беды. Какая-то сила заставила меня оторваться от чтива. Поднял голову... В проеме двери, ведущей в 405-й блок, стоял «мим», опираясь на суковатую трость. Казалось, был он в раздумье, в какую сторону устремить стопы. Наконец сделал решительный шаг, но, видимо, поспешный; непослушные ноги занесло. Попытался обрести устойчивость с помощью посоха... Палка, чиркнув по линолеуму, выскользнула из руки и, описав замысловатую дугу, очутилась возле стула, на котором остывал ужин бедолаги.

Действо заняло ну от силы секунды полторы. Все, кто находился в холле, ничего не поняли, глядели как замороженные. А «мим» потерял равновесие и все точки опоры. Как стоял, так и рухнул затылком, словно подкошенный.

Шустряки бросились на помощь, я тоже оказался в том числе. Замелькали белые халаты. Павшего подняли на руки и на весу – почему-то ногами вперед – понесли к его ложу.

– Восстановлению вряд ли подлежит, – послышался из угла, возможно, голос бывшего автомобилиста.

В ту ночь я долго не мог заснуть. Болело сердце, душу щемило. Угнетало чувство собственной вины и собственной же беспомощности в драматическом больничном эпизоде.

Едва в небе забрезжило, вышел в коридор. Сильно пахло хлоркой, блестел разводами свежeweымытый пол. Деловито сновал медперсонал. У всех на лицах была написана важность, профессиональная озабоченность. И еще нечто такое, что трудно выразить словами.

На цыпочках пересек холл. Заглянул за ширму. Логово «мима» было пустым. Матрац, подушки свернуты в тугой рулон.

Мда-а-а... Был человек, и нет человека.

Возник дурацкий вопрос: «А что запишут врачи в ЕГО историю болезни и... смерти?»

В нашей палате ЧП не обсуждали. По всему, однако, чувствовалось, что так или иначе каждый молча обмозговывал случившееся, как бы примеряя на себя.

4

Однажды сумерничали после ужина; Алекс без всякой связи с вялотекущим разговором обронил:

– По больничным правилам тому дядечке необходимо было хотя бы «утку» предложить. Молчание. Вздохи. Кряхтение. Покашливание. От своего плеера оторвался пэтэушник

Петя:

– А кто б, к примеру, за ним выносил?

У «дворецкого» готов был ответ:

– Да я бы первый. И еще нашлись бы охотники.

Подавал голос старожил палаты Григорий Наумович, в прошлом флотский офицер:

– В гнусное время, товарищи, живем. Всяк хлопочет только о себе. Таковы нынешние правила человеческого общежития... Ну и в итоге худо всем.

На том обсуждение темы в тот вечер и кончилось. Да вскоре имело продолжение. В ином, так сказать, ракурсе, в новой ипостаси.

Прогуливаясь по длинному коридору, заметил на доске у лифта скромное объявление: «Одиннадцатого февраля с.г. в зале для заседаний профессор Кахновский И.М. читает для аспирантов и студентов медакадемии им. Сеченова лекцию о бронхите. Приглашаются все желающие».

Я был желающий! Попросил своих домашних в назначенный день принести диктофон с кассетами. В урочный час первым явился в указанную аудиторию, расположился вблизи кафедры. Палец держал на кнопке, дабы не пропустить ни слова, ни звука.

Позже, в процессе редактирования, боялся, что лекция профессора утратит информационность... Но не стал ни корезить, ни сглаживать шероховатости живой речи. Решил: пусть и на бумаге останется так, как в аудитории звучало.

Вот тот «непричесанный» текст.

Откровение профессора от медицины И.М. Кахновского

Здравия желаю своим коллегам и пациентам, которые специально или ненароком оказались в этой аудитории. (Низкий поклон.)

Вижу: публика собралась довольно пестрая, потому позвольте сказать несколько фраз о кафедре внутренних болезней академии имени Сеченова.

Что характерно: обосновалась она не в стенах вуза, а под крышей обычной больницы. Случилось это летом 1940 года. Первым руководителем был Владимир Николаевич Виноградов, сподвижник и друг легендарного Склифосовского. Незнайкам докладываю: Виноградов вошел в историю отечественной медицины как организатор реанимационной службы в столице. Да и в СССР.

Еще информация для размышления: именно здесь, в этих стенах, впервые на практике применили эндоскопию. Это был по тому времени фантастический – бескровный! – способ проникновения хирургов в глубины человеческого тела. По этой же схеме потом развивалась модная нынче ангиопластика. Между нами говоря, в послевоенное время медработники всех уровней фанатично боролись за каждую человеческую жизнь. К величайшему

сожалению, по разным причинам теперешнюю медицину хвалить не за что... Вы загляните на досуге в статистику.

В моей судьбе определяющую роль сыграло то обстоятельство, что я оказался у истоков реанимационной службы. В 1956 году соответствующим образом была оборудована единственная (!) машина «скорой помощи». Она немедленно выезжала по спецзаданиям, по вызовам к тяжелобольным. Я ездил на этой «карете» по столице, как бог.

Было в отечественной медицине еще одно принципиальное направление и связано оно с именем Владимира Харитоновича Василенко... Это он положил начало исследованиям в пульмонологии с использованием антибиотиков. Ваш покорный слуга был рядовым бойцом на этом фронте.

Историк Карамзин некогда сказал, что у России две беды: дураки и дороги. Совсем худо, когда дураки выступают в роли диспетчеров: указывают народу, по какой дороге нам идти. Прежде существовал незыблемый принцип: «Все для человека!». Сейчас на каждом перекрестке кричат: «Все для рынка, для пополнения мощны!» Но заглянем, товарищи и коллеги, в Библию (хотя все мы тут атеисты). В Ветхом завете предки нас предостерегали, говоря, что корыстолюбие, стяжательство – великий грех, идет от дьявольского наущения. Не вняли истине новые поводыри – потому-то теперь страна и вымирает. Между болезнями и человеческой жадностью к деньгам – прямая связь. Задумайтесь...

Кто-то, пожалуй, назовет меня экстремистом. Но я и прежде говорил, и теперь повторяю: мы утрачиваем искусство врачевания. Порой для больного много значат проникательный взгляд доктора, легкое прикосновение пальцев медицинской сестры, душевная и умная речь консультанта у постели лежачего пациента. При всем том, разумеется, решающая роль остается за медикаментозными средствами. Теперь слышно на каждом шагу: лекарства дороги! Дороги – точнее, не всем доступны. При этом существует множество бесполезных снадобий. По сути, это так называемые плацебо, в переводе с латыни: пустышка. Она не лечит, а обманывает. В лучшем случае облегчает страдания. Но главное зло медицины – воровство. С великой грустью в глазах академик Львов Дмитрий Степанович предал огласке убийственный факт: в стране «идеально» поставлено (организовано) воровство лекарственных средств. Каковы масштабы? По неполным сведениям, это три годовых государственных бюджета. Положа руку на сердце, скажу: сегодня, в этой аудитории обозначенное зло мы с вами не искореним. Знать же об этом должны все.

Стало модно вкривь и вкось поносить советское прошлое. На этом действе бесталанные люди делают карьеру, набивают мощну. Конечно, не все в прежней медицине отвечало стратегическим задачам общества. Впрочем, с полной определенностью можно сказать: в стране была хорошо поставлена служба диагностики, которую переняли все цивилизованные государства. Аналоги с Францией, Германией, США не имеют резона. Убыль населения в России – медицинский вопрос.

Вот вам страшная государственная тайна: только два процента с инфарктом миокарда попадают в первый час в стационар, – а ведь именно этот временной отрезок определяет судьбу болящего: жить или не жить. Ежели в первые час-полтора инфарктники не попадают на больничную койку,

грош цена новейшим целебным средствам – стрептазе, урокиназе, актилизе, которые способны растворить и вывести из сердца любой тромб.

Кстати сказать, если регулярно, раз в год проводить в медучреждениях с использованием лабораторных средств только внешний осмотр человека – не будет среди населения запущенных меланом, лимфосарком. Например, жуткую саркому Беркита вылечивают в 80 – 90 процентах случаев. А ведь эта «хворь» убивает атлета за два-три месяца – человек превращается в скелет. В клиники же, как правило, привозят подлеченных горемык, которых знахари пытались поставить на ноги подручными средствами, обычно с помощью преднизалона. В этом зале собрались главным образом пульмонологи и их пациенты. Существует ходячее выражение: «От бронхита-де не умирают, от него страдают.» Не иначе как психотерапевты пустили сей афоризм в оборот... По моим наблюдениям, бронхит «подхватывают», как правило, люди беспечные, бесхарактерные, на определенном этапе жизни чем-то очень увлеченные. Легкое недомогание воспринимают за простуду, которую можно излечить горячим чаем с медком. Бронхит же, привязавшись, так просто свою жертву не отпустит. Он хитер, коварен, изворотлив до чрезвычайности. Попавшись в его лапы, мы в течение многих лет не принимаем кашель или незначительную одышку за проявление серьезного заболевания. Тем более что бронхит – «привилегия» старших возрастных групп. Он развивается в основном после сорока лет, а с возрастом прогрессирует, усиливается. Пациенты бегут к врачу, когда воспалительный процесс в легких обретает хроническое течение. В эпикриз имярек врач записывает приговор: обструктивный бронхит. И этим все сказано!

Бронхит – предтеча заболеваний не только в легочной, а и в сердечно-сосудистой системе, плюс головного мозга... Периодическую вспыльчивость, нервозность неверно воспринимают даже врачи, средний же медперсонал отвечает адекватно сплошь и рядом! Пожалуйста, имейте в виду: агрессивность бронхитника идет часто не от дурного характера пациента – это наружный симптом его болезни.

Попутное замечание. На улице, в транспорте наблюдайте внешность людей. Болезни, как правило, отражаются на лицах. В таких случаях здоровые люди должны – обязаны! – корректировать свое поведение среди окружающих, в том числе, разумеется, и среди своих близких. Это будет помогать в конечном счете сберечь как свое здоровье, так и чужое. Да, в каком-то смысле это – индивидуальная профилактика.

И последнее. Пациент должен всячески помогать... врачу в борьбе со своим недугом. Памятуя, что у них общий враг.

Ну и попутное: учитесь брюшному дыханию. Очень пригодится в жизни. Возможно, и спасет.

Беседа профессора длилась всего лишь академический час. Когда мэтр закончил говорить, аудитория некоторое время находилась, как ныне говорят, в трансе, в оцепенении. Неожиданно в зале вспыхнули аплодисменты.

С подготовкой материала к печати я замешкался. Вдруг узнаю: И.М. Кахновский оставил сей бранный мир, будучи еще молодым, не дожидая пенсии. Это случилось на девятом месяце после той памятной публичной лекции.

Теперь по доброй воле пришел я в 61-ю ГКБ, чтобы показать уже порядком отлежавшийся материал коллеге Игорю Максимовичу, профессору медакадемии Маринину Валерию

Федоровичу. Он не только завизировал текст, а и добавил несколько нужных строк. В конце Маринин сказал:

– Друг мой и коллега сгорел как метеор, ворвавшийся в плотные слои нашей рыночной атмосферы. Личность же была незаурядная, творческая, фигура знаковая не только в медицинском мире... Игорь Максимович внес весомый вклад в науку о внутренних болезнях, пытался постичь тайны бронхита, других легочных заболеваний. Но многое не успел расшифровать, унес с собой в мир иной.

5

Перечитывая позже записи, сделал я такой вывод: советы профессора Кахновского пригодились бы персоналу клиники – от главврача В. Микулина до только что введенной в штат больницы молоденькой санитарки. Пафос лекции Игоря Максимовича (почетного и действительного члена многих зарубежных университетов) в сжатом виде сводится к максиме. Всевозможные сложнейшие и дорогостоящие медикаментозные средства часто бьют мимо цели, лишь умножая расходы на больных, если при этом не обеспечены элементарные санитарно-гигиенические условия. Это особенно актуально теперь, когда наше здравоохранение в целом влачит жалкое существование.

Об этом неистово спорят, порой криком кричат, но главным образом с трибун, основная же масса мучается втихомолку на больничных койках. Но все это – словеса, пустые звуки, пока чиновная рать собственным боком не почувствует все «прелести» современного медобслуживания. Но, как известно, новые номенклатурщики (численность их в сравнении с советским прошлым удесятилась!) живут отнюдь не по официально провозглашенным правилам – по тайному регламенту. Для СВОИХ предусмотрен набор жизненно важных ценностей (читай: благ), которые классики марксизма-ленинизма, помнится, обещали массам на завершающей фазе строительства коммунизма. Так что теперешняя властвующая элита имеет полный пакет всего-всего чего только душе угодно взамен за беспорочную службу. Но этого мало! По ходу дела чиновная сволочь казну опустошает, народ персональными поборами мучает.

Не будем, однако, копаться в чужих кошельках, ибо, как учил нас Егор Гайдар, это несимпатично, недемократично и негигиенично. Впрочем, сама за себя говорит скудная информация насчет того, как организовано медобслуживание сильных мира сего, их дражайших отпрысков и приближенной челяди. Дабы не расплываться мыслью по древу, можно сказать: на этом участке бытия полный порядок – номенклатурщикам гарантирован европейского пошиба догляд. Они прикреплены к бесплатным медицинским центрам, где персонально дважды в год их обследуют на генетическом уровне. Каждому господину (и его присным) гарантирован отдых в лучших санаториях; их тонус и форму поддерживают в дорогостоящих фитнес-центрах; в случае необходимости везут за границу, в дорогостоящие клиники. И все это на средства госбюджета, значит, за наш с вами счет, в том числе и бомжей. Попутная информация: годовой медполис чиновника средней руки стоит, как минимум, от ста тысяч рублей и выше. Номенклатура первого разряда, так называемые «шишки» (со шлейфом домочадцев) обходятся налогоплательщикам на порядок выше. Оттого и цены в стране немилосердно растут везде и всюду.

Медперсонал казенных клиник (разветвленной системы ЦКБ) отнюдь не брезгует пациентами так называемого среднего класса, а также физическими лицами без определенных занятий, но с тугой, разумеется, мошной.

Администрация Президента РФ, похоже, совсем оборзела. С неких пор по радиостанциям Москвы гуляет рекламный ролик лечебного центра № 2 (что в Матвеевском, обочь «дачи Сталина») такого формата: «Наша хорошая больница для хороших людей. Милости просим!» При этом не оглашаются цены, тарифы. Окольным путем удалось вызнать. За местечко в обыч-

ной палате здесь берут от 600 до 800 рублей в день. Плюс плата за лечение, за разные лабораторные обследования...

Во время бессонницы всю эту цифирь спроецировал я на себя. Вот что вышло. Двадцать восемь суток провалялся я в ГКБ-61. Окольным образом вызнал... Моя медицинская компания «Солидарность для жизни» (нелепейшее название) выделяет лечебному учреждению за каждого больного 28 рублей в сутки. Итак, МСК израсходовала на меня – за 28 суток – 2640 рублей. А это была уже вторая госпитализация за год. Значит, я пациент невыгодный, со мною можно прогореть. Однако никто, слава богу, не горит и не разоряется, а только причитают: «Ах, больницы бедствуют. Нет нужных лекарств. Градусников даже не хватает. Экономят на полотенцах. Белье драное».

И все же эта картина безобразий неполная. Как и всюду, здесь тоже контрасты... Многие кабинеты диагностического назначения оснащены большей частью современной аппаратурой – электронной, лазерной. Пять-шесть лет назад ничего подобного не было. Вместе с тем страшно подумать: искусно оперированный больной может запросто загнуться в палате от сквозняка или же попадет на поварскую «мормышку», заглотив ее вместе с кашей, как я испытал в тот заезд дважды.

Двадцать восемь суток моего пребывания в клинике – явно сверхнормативное. Обострение бронхолегочной болезни (как записали в анамнезе) случилось из-за воспаления легких, которое я подцепил, лежа у щелястого окна, на сквозняке... За это я должен кланяться и благодарить Никулина!

С некоторых пор меня мучит боль в ступне. Ощущение такое, словно от пламени паяльной лампы. Районный невропатолог послал меня в диагностический центр. Было обследование. С сосудами, с нервами будто бы все в порядке, пятка же огнем горит. Оказавшись в тот раз в клинике, поведал о своем недуге. Лечащий доктор Чикарева проявила к моей болячке неформальный интерес, заодно проинформировав коллег неврологического отделения, этажом ниже.

На следующий же день после завтрака явился врач, назвалась Татьяной Геннадьевной. Между нами состоялся ознакомительный разговор на общие медицинские темы. Не глянув на проблемное место (не предложила хотя бы носки снять!), сказала: явиться в их отделение. Что на следующий день я в точности исполнил, застав в ординаторской пир горой.

Спору нет, медики тоже люди, ничто человеческое им не чуждо. У них свои компании и своя же личная жизнь. Сквозь гомон и звон бокалов мне крикнули через головы открытым текстом: «Потом, потом!». Приволочился на следующий день. Угодил на общую трапезу. На столах букеты метровой высоты, между ними горы яств.

Через лечащего врача передали: невропатолог нанесет визит в мою палату сама. Два или три дня прошли в нервном ожидании. За это время прошел я компьютерное обследование (платное!), меня облучили на аппарате Допплера... Иногда встречал в коридоре Татьяну Геннадьевну – она бросала на ходу что-то нечленораздельное и уносилась вдаль.

Поделился сомнениями с сопалатниками. В один голос было сказано: доктор меня ангижирует. Проще говоря, намекает, что вероятную услугу врача я должен заранее профинансировать.

Многому научила меня жизнь – к счастью или к несчастью, не освоил техники всучения взятки. Ну пусть бы Татьяна Геннадьевна на манер официантки в ресторане открытым текстом обозначила: «Это вам, больной, будет стоить столько-то. Извольте платить по внутреннему прейскуранту... Ну и о чаевых, пожалуйста, позаботьтесь». Право, так было бы честней, чем морочить голову (и еще нечто!) непрактичным субъектам.

С отчаянья решился я на последний шаг. Поплелся к зав. неврологическим отделением З.И. Крутик за советом: что мне дальше делать, как жить? Сообразив, что дело зашло уже далеко, Зинаида Ивановна пригласила на разборку свою коллегу Фатееву. Не кривя душой, поведал я дамам о своих проблемах, как все началось... Выслушав меня, заведующая изрекла:

она-де отвечает за больных только своего отделения. На то вроде бы даже есть соответствующий приказ городского комитета здравоохранения, запрещающий врачам контактировать с «чужими» пациентами. Из этого следовал недвусмысленный намек: труды Татьяны Геннадьевны обязана оплачивать не страховая компания, а имярек, обратившийся, за медпомощью...

Тут уж я не выдержал и заявил, что с самого начала ни к кому за медпомощью не обращался – меня втянули в авантюру. Дамы, естественно, надули губки! Я же с чем пришел, с тем и ушел в свою палату.

6

Время на больничной койке тянется медленно, проходит в основном в раздумьях о бренном, а также о том, что было с нами прежде и как стало. На незримых весах чаша прошлого перетягивает. Теперь ЭТО не жизнь, а, как заметил русский классик, житие! В тот приезд до меня дошло: из нашей медицины выпало важнейшее звено – душа, в обиходе называемая МИЛОСЕРДИЕ.

Смрадный, рыночный дух проник в больничную атмосферу: мутит головы, портит нравы. Медперсонал об этом, разумеется, прямо не говорит, но дает понять-почувствовать! Сколько заплатим, на столько и будет отпущено здоровья. Хотя объем и качество оно вроде бы гарантированы действующими стандартами Минздрава. Все услуги как бы оплачивает за нас страховая компания, к которой каждый приписан.

Пожалуй, не мешаает внести ясность в вопрос о медицинских страховых компаниях и сказать пару слов о полисе.

МСК – никакая не богадельня, как это многие себе представляют, а деловая мафия интересантов. Довольно метко определил ее суть наш Алекс, сказав: «Да это же дикий малинник блатных». Официально же под солидной вывеской собираются несколько врачей, юристов, финансистов, которым передают подряд: энную сумму бюджетных денег... Эта компания берет на себя честное обязательство: оплачивать по установленным тарифам труд медиков, которые занимаются лечением серой народной массы своего околотка. МСК – закрытое акционерное общество коммерческого профиля. Компании наделены правом не только распределительных функций, но могут тихо-о-онько зарабатывать денежки. Как? О том не принято открыто судачить, словно о срамном. Способов много, причем все жлобские.

От щедрот власти на каждого из нас планируется израсходовать на медицинские надобности приблизительно двадцать тысяч рублей в год. Это решительно на все: от лечения кариеса на зубах до операции на сердце и замены внутренних органов. Иные по несколько лет не заглядывают в свою амбулаторию, другие же к эскулапам обращаются бывает и по несколько раз в году из-за разной чепухи. А есть и хроники, они из больницы не вылезают. Счет же идет – на компьютерных файлах вся эта кутерьма, как в зеркале отражается. Быть такого не может, чтобы МСК перерасходовала спущенный ей лимит. Это означало бы полное банкротство, разорение. Тогда бери суму – и иди по миру! Подобного ЧП, слава богу, еще не было. Как, впрочем, никто еще на Руси чайником не подавился!

Страховые компании уши остро держат, строгий счет рублям ведут. При необходимости уменьшают финансирование подопечных медицинских объектов, таким образом сокращают объемы, а главное – качество предоставляемых пациентам услуг. Что, конечно, не проходит бесследно: увеличивает число покойников, а также лихорадит персонал медучреждений по всей вертикали, за исключением клиник высшего разряда, кои держатся на специальном пайке, на государственных – полнообъемных – дотациях. Да, хитрющая механика, на грани чародейства Воланда, сатанинского посланника.

В реестре самых дорогостоящих пациентов больниц и «прихожан» районных поликлиник значатся ветераны и инвалиды труда, участники ВОВ и межрегиональных военных действий. Они главные потребители бесплатных медикаментов; иные чуть ли не круглогодично валяются на больничных койках. Проку от этого контингента ну никакого – одни лишь капризы да претензии. В лучшем случае сунут дешевую шоколадку или яблочко. Сами не в силах даже постельное белье на койке поменять. Об этом вслух не говорят, думают же постоянно. Единственное, что медики и невидимки из таинственных МСК себе позволяют, – переводят бедолаг с дорогостоящих лекарств на таблетки дешевые, просроченные и фальсифицированные, т.е. поддельные. Поди потом разберись: что, как и отчего.

В госпитальном мире нашли свою нишу и аптекарские коробейники. Вольно и развязно шныряют они по коридорам, палатам, предлагают «нуждающимся» разного рода патентованную хреновину от всех недугов – от «а» до «я», за исключением разве воспаления коленной чашечки. Бьюсь об заклад, торг санкционирован свыше. Своими глазами видел офеню, выходящего из кабинета завотделением.

Больной Голубев (90 лет), как и я, простыл на сквозняке, грипповал... Умолял врача дать что-либо от насморка. Тот беспомощно руки развел. В тот же вечер или на следующий (не помню) в палату залетела вороватого вида девица в белом халате: явно с чужого плеча.

– Есть хорошее средство от насморка, от гриппа... Глазолин непосредственно от производителя. Можете воспользоваться.

Дедушка купил два пипеточных флаконца. Сам справиться не мог, на подмогу вызвали сестру.

На следующее утро Голубеву стало совсем худо. Нос был похож на отваренную репу. Кро-воточил. Поднялась температура. Несчастного уволокли в инфекционное отделение. На его койку поместили возвратившегося с «воли» Александра Л. Беглец вид имел не только виноватый – явно пришибленный.

Может, я не прав, пусть меня поправят. В одну из бессонных ночей мне открылось... Медицина отечественная ожесточилась. Прежде врачебная философия была проста: поставить пациента во что бы то ни стало на ноги, невзирая на его статус в обществе, несмотря на его платежеспособность. Спасали любой ценой, подчас жертвуя собственной жизнью. Порой врачи при необходимости первыми давали свою кровь оперируемому. В боевой обстановке полевые санитарки пригревали раненого от мороза своим телом, не требуя «за услугу» денежной компенсации. Причем это и не считалось героизмом, входило в круг медицинских обязанностей. Так мы и сберегали друг друга. Оттого-то численность населения, несмотря на колоссальные потери на полях сражений, а также гибель в тылу (пресловутом ГУЛАГе) прибавилась... Нынче в ходе социальных реформ произошел ужасный сдвиг по фазе. Жизнь, здоровье людей перестали оценивать по высшей шкале общественных ценностей. Видно это не только с высот государственной власти, а с каждой индивидуальной колокольни. Живем, как нас убеждают, пока еще в мирное время, тогда как положение в стране хуже чрезвычайного... И это уже не просто констатирует – криком кричит! – официальная статистика. За два десятка последних лет Россия потеряла от 12 до 18 миллионов душ. Точное число ведомо лишь небесной канцелярии.

7

В больнице вел нечто вроде дневничка – тешил себя иллюзией, будто нахожусь в творческой командировке. Значит, потом, говоря языком журналистов, должен был непременно отписаться. Иначе от руководства могли быть неприятности, а от товарищей «по оружию» подшучивание, презрение. Так что по возвращении на круги своя поневоле пришлось браться за перо.

Сперва решил проинформировать медицинскую страховую компанию, под чьим покровительством жил я к тому времени уже добрый десяток лет. Вопрос поставил ребром: персонал терапевтического отделения неэффективно потратил выделенные из фонда МСК деньги на мое излечение: ориентировочно 2600 – 2750 рублей. В итоге пробыл я на излечении лишних 12 суток – и все равно не крепко стою на ногах. Напрашивался вывод: медицинская страховая компания вправе истребовать с ГKB-61 возврата выделенных средств за плохо выполненную работу. Расчеты подтвердил я конкретной фактурой. Не отпереться и не отвертеться.

Заявление отправил не почтой, пошел в МСК пешком. Нашел их офис на 3-й Фрунзенской в великолепном особняке из красного кирпича. «Клязу» никто не хотел принимать, мотивируя отказ тем, что «в данный момент технологический перерыв», что «сегодня день неприятный», что «жалобы без паспорта не рассматриваются», что «все работники и без того перегружены делами»... Тогда я тихим голосом сказал, что к делу подключу городскую прокуратуру.

На шум явилась главный специалист Соколова А.Ф.

– Какой вы больной, – изрекла дама с дрожью в голосе. – Вы не больной, вы насильник. Я тоже не отмолчался:

– С волками жить, – говорю, – по-волчьи выть!

Заявление, тем не менее, приняли и зарегистрировали.

Время быстро летит, а сказка долго сказывается. Месяца через два обнаружил я в почтовом ящике тощий конверт. В нем оказалось письмо из «родной» МСК. Цитирую по подлиннику:

«Ваше обращение внимательно рассмотрено экспертным отделом с выездом на место. При изучении медицинской документации установлено... В соответствии с клиническим анализом (хронический слизисто-гнойный бронхит, в стадии обострения. Эмфизема легких. Пневмосклероз) Вам в полном объеме проведены необходимые обследования и показанное (?) лечение.

Ваше обращение в МСК детально рассмотрено с руководством больницы. Претензии приняты к сведению. Руководству ГKB № 61 рекомендовано усилить контроль (!) за организацией лечебного процесса и качеством оказания медицинской помощи.

В свою очередь, компания «Солидарность для жизни» готова оказать вам помощь в организации консультации в одном из квалифицированных медучреждений

Вице-президент Л. Любимова.

18.1.1999 г.».

Подумалось: мой горький опыт поможет коллективу клиники, говоря казенным языком, изжить подмеченные недостатки. Но максималисту хотелось большего! Приключения на больничной койке собственные и бедолаг-сопалатников решил предать огласке. Короче, замыслил откровенный репортаж. Целиком его опубликовала газета «Достоинство». Нашлось место и в журнале «Человек и закон».

Из разных мест пришло много откликов от малоимущего контингента. Номенклатурщики и приравненные к ним, разумеется, помалкивали. Ведь они имели все – их врачевали по высшему разряду... Дважды в год медосмотр по полной программе, с головы до пят. По индивидуальной схеме – строгий фитнес с гольфом и теннисом; санаторный отдых на элитных зарубежных курортах. Да, господам на жизнь грех жаловаться. Слава богу, наконец-то все расставлено по своим местам. Всяк занимает отведенную ему нишу. В том числе и в сфере медицинского обслуживания.

В ворохе редакционной почты оказалось письмо с грифом Комитета здравоохранения Москвы. Это, понятно, льстило, в то же время и настораживало.

Известно всем: чиновники теперь неохотно общаются с прессой, тем более считают ниже своего достоинства отвечать на критические выпады. Местечковая философия: «На каждый чих-де не наздравствуешься, – работать будет некогда». В обществе сложилась анекдотическая ситуация: журналисты лезут из кожи вон – пописывают! – чиновная же гвардия вышедшую из-под пера «стряпню» с умным видом почитывает. Но не более того. В итоге создается видимость гармонии, покоя, общественного благополучия.

Как ни вспомнить тут слова забавной песенки, что певали еще наши родители. И снова на язык просится: «Все хорошо, прекрасная маркиза... Все хорошо, все хорошо!».

Порой же пишущая братия слишком много на себя берет. Ненароком вдруг глубоко копнет и выворачивает на поверхность пласты гадостей и мерзостей, на коих лежат свежие или давние отпечатки грязных лап чиновных вельмож. В таких случаях возникает шум и грай. Виновные (преступники), как правило, ускользают от наказания – и в худшем случае отделиваются условным сроком или же подпадают под амнистию.

Со шелкоперами же все куда сложнее.

В нашем *демократическом* обществе возникли поразительные порядки, сложились удивительные нравы... Провинившихся журналюг к стенке не ставят, на каторгу в Сибирь (без права переписки) не ссылают. Слишком жестоко! Да и что Европа скажет? При этом журналисты куда-то безвозвратно исчезают: их кто-то отстреливает, словно уток на весенней охоте. Еще нашего брата «остепеняют» и приводят в чувство штрафными санкциями... Чуть-чуть пишущий не потрафил – выкладывай миллион, а то и все три за публичное оскорбление «физического лица» из властного департамента – банальная прокурорская формула, которую никому еще не удалось переспорить. Для усиления тяжести приговора обыкновенно добавляют еще и такие «занозы»: автор-де передегивал факты, пережарил их или же пользовался непроверенной информацией.

Штраф, повторяю, еще полбеды. Есть дела неподсудные, к коим СМИ не подпускают и на пушечный выстрел. Но ведь запретный плод особенно заманчив. Так возникает почва для инакомыслящих, для диссидентов, для тайных и явных коррупционеров. На всю эту пакость, скажем так, падки публицисты – особенно «золотые перья» журналистики. Им это даром не проходит! Их карают со всех сторон. Они становятся жертвами ДТП, их убивают в подъездах собственных жилищ, в темных закоулках, в лифтах, на городских площадях, на отдыхе, во время непосредственного исполнения служебных обязанностей.

Но более всего поразительно и в то же время немного смешно то, что при этом непременно является сволочь из нашей же когорты, которая, захлебываясь от экстаза и бия себя по бокам задристанными перьями, кликушествует: «Ах, как плохо жилось журналистам при советской власти! Не было ну ник-к-какой свободы печати. Нам платили жалкие гроши, не хватало даже на вареную колбасу. Не выпускали за границу... Сексом запрещали заниматься в служебных кабинетах. Теперь же все-все доступно, в том числе и мужеложство... Ну чего еще творческой личности надобно. Садись и пиши, никто ни в чем тебя не ограничивает... Вот что такое демократия!».

У МВД есть собственные сейфы с черной информацией. Так вот, по негласной статистике, Россия занимает третье (!) место в мире по числу истребляемых журналистов. Такова наша се ля ви.

Всяк девятиклассник (и пэтэушник) теперь знает: виновниками репрессий в 40 – 50-е годы были Сталин, Берия и примкнувший к ним Семичасный. Между прочим, власть беспощадно школила и лучших представителей творческих союзов. Теперь же виноватых нет... Если уж на то пошло, журналисты нынешнего призыва сами ж виноваты: это наш собственный выбор!

Мне тоже неоднократно угрожали расправой: и устно (по телефону), и письменно (по почте), и писульками, кои бросали в почтовую ячейку. Порядка ради я проинформировал МВД, телефонный узел, за одно и весьма ответственную структуру. Люди в погонах однозначно дали понять, чтобы раньше времени я не подымал шмон и горячку. Будет на руках конкретика, тогда, дескать, и сигнализируюй... Типичный образчик казенной этики и логики. Хорошо хоть так... Я не тщеславный, нет. Хотя, признаться, лестно было получить из главной конторы медицинской службы столицы уведомление на свою публикацию. Была, была тайная надежда, что мои заметы кто-то всерьез примет к сведению. Ведь на стол главнокомандующего отрасли лег живой слепок с действительности. На казенном сленге – объективка, которую ни при каких обстоятельствах не выдаст ни тайная, ни официально ангажированная комиссия. Тут же богатый материал – прямо с места – выдан был добровольцем, на собственный риск и страх.

Теперь я только догадываюсь: в штабе главнокомандующего сразу же возникли вопросы, как оную информацию воспринимать, какую дать оценку? Ну и попутно возникла скрытая обида: « Кто это нам мораль читает. Не иначе как инакомыслящий!» Моментально приняли боевую стойку. По цепи пронеслось: « На-аших бьют!» И вот, захлебываясь от эмоций, руководство комитета отправило в два адреса (редакции газеты и автору репортажа) гневную филиппику. Вот она, под рукой.

«Комитет здравоохранения внимательно рассмотрел факты, изложенные в статье «Вид с больничной койки».

По имеющимся медицинским документам, больному (имярек) проведено обследование и лечение с имеющимися у него заболеванием в полном объеме. Получены объяснения от медицинского персонала, принявшего участие в обследовании данного больного. Во время пребывания (имярек) в больнице он отличался повышенной требовательностью, акцентировал(!) имеющиеся у него заболевания, вводя их в: особо редкие, проявил себя придиричивым к медперсоналу, конфликтным по отношению к соседям по палате.

Факты недоброкачества пищи (металлическая стружка, стекло в ней) подтвердить не представилось возможным, т.к. указанные посторонние предметы больной отказался показать медперсоналу. Во время посещения терапевтического отделения, где лежал П., больные медицинским обслуживанием, лечением, обстановкой в палатах были довольны, питанием удовлетворены, в палатах чисто, тепло.

Врачи категорически отрицают приведенные факты вымогательства и готовы предъявить автору статьи иск, как журналисту, грубо нарушившему действующее законодательство, – в части распространения через средства массовой информации непроверенных сведений, порочащих честь и достоинство.

Председатель Комитета А.П. Сельцовский».

Читая и перечитывая строгий рапорт, вспомнил я диалог из очерка Салтыкова-Щедрина. Один губернский начальник при доверительном разговоре задал губернатору острый и нелестный вопрос: «Иван Иванович, вы взятки берете?» Тот ответил резко и вместе о том доверительно: «Никогда!»

Диалог весьма-весьма схож с парафразом г-на Сельцовского, особенно в той части, где речь идет о том, что врачи-неврологи категорически отрицали факты вымогательства. Наряду с этим обратили внимание на то, что имярек акцентировал (!) имеющиеся у него заболевания, возводя их в особо редкие.

Тут, как говорится, каюсь: грешен! Помнится, в порядке шутки, при разговоре с лечащим врачом, посетовал, что не дает мне покоя странная боль в ступне... К сказанному добавил: ни у кого из родных, близких, знакомых и даже от соседей по лестничной площадке не слышал о таком странном заболевании... Возможно, моя болячка уникальна, представит интерес для отечественной медицины.

Татьяна Геннадьевна, помню, выскочила из палаты как ужаленная и вскоре возвратилась с коллегой из неврологии. Как затем дело повернулось, читайте выше... Комиссия же из Комитета здравоохранения, прибывшая в больницу с намерением во что бы то ни стало опровергнуть или хотя бы дезавуировать не поддающуюся опровержению фактуру из честного репортажа пациента «Вид с больничной койки», – сделала дурацкий вывод: автор-де морочил медперсоналу головы, акцентируя воображаемые недуги!

Мне было и грустно, и смешно... Грустно, потому с тех пор начались из-за недолеченного бронхита и воспаления легких серьезные проблемы. Смешно же оттого, что вспомнился реальный случай из моей армейской жизни. Дело было так. Один новобранец, маменькин сыночек, капризуля, недоволен был солдатской кухней. Сдуру накатал тайком письмо прямо в штаб корпуса. В Советской Армии порядки были строгие. В роту немедля явилась авторитетная комиссия во главе с генералом. Он не удовлетворился отчетом командира полка: явился в столовую, угодил в разгар обеда, чтобы не было никакого обмана и очковтирательства.

Разгладив плавными движениями пышные усы с подусниками, генерал обратился к обедающим солдатам с непрыстыми вопросами: а) довольны ли службою? б) есть ли к начальству своему претензии? в) сыты ль служивые, хватает ли довольствия? (Тут надобно заметить, что накануне в роте провел соответствующую психологическую подготовку старшина.) И вот на прямой генеральский вопрос, хватает ли довольствия, – крупногабаритный сибиряк во всю силу легких гаркнул: «Харчей хватает... Даже в мисках остается!» Генерал, однако, был не промах и уточнил: «А что же, солдатик, в мисках остается.» Был ответ: «Лавровый лист остается, товарищ генерал!»

В таком виде «объективка» и пошла по армейским инстанциям.

Не затесался ли теперь тот ротный старшина в аппарат ведомства г-на Сельцовского? И я решил провести разведку.

До Андрея Петровича не допустили. Принял меня заместитель председателя А.А. Хрупалов. Чиновник как чиновник: в меру скрытный, частично откровенный, по-своему хитер, по-современному немного фрондер, заметно циничный.

– Статья ваша очень неприятная, – в первую же минуту выдал Андрей Александрович. – Нет, не по фактуре. Вы там лежали, все своими глазами видели, кожей почувствовали... А вот раздражает общая тональность, фразеология, фельетонный налет.

– Вам повезло, что в 61-ю больницу угодил не Салтыков-Щедрин, а второразрядный журналист эпохи Аллы Пугачевой.

– Юмор понял.

– В следующий раз обещаю быть поаккуратней при выборе слов и выражений... Но основную претензию, мне кажется, вы еще не высказали.

Хозяин кабинета принялся нервно переключать на столе предметы, терев бумагу. Попутно нес околесицу насчет грандиозных задач, кем-то в последнее время поставленных перед работниками лечебно-профилактических учреждений. Причем со значением было сказано: дескать, перечень не поддается ограничению (?): может и должен пополняться новыми задачами. Все это немного напоминало бред... Потом уж я смекнул: на самом деле Андрей Александрович тянул время, подыскивая нужные слова под ускользающие мысли.

Жаль было чиновника. Но я молчал: пусть сам выкручивается. Тут с языка Хрупалова слетела мысль затаенная:

– Вы слишком много взяли на себя: текст пахнет враждебной пропагандой. Вы дали козырь в руки врагов России.

«Ничего себе заявочка!» – подумал я про себя.

– Вы сеете смуту: вносите, может, того не желая, раскол в общество, которое теперь, как никогда, нуждается в сочувствии единомышленников, в сплочении разнородных сил.

Тут до меня наконец дошло: мне «шьют» деструктивизм.

– Ну а конкретно, в чем же я неправ?

Теперь это был явно другой человек: боец, а то и рыцарь без страха и упрека. Он виделся мне на коне, с остроконечной пикой наперевес.

– Вы же недвусмысленно, открытым текстом высказали крамолу, будто теперь в стране творится... геноцид.

– Да разве не так?

Хозяин кабинета резко встал с кресла. Лицо его было каменным. Впрочем, и сам он стал похож на монумент работы Зураба Церетели.

Расстались без рукопожатия. Через какое-то время я навел справку. Хрупалова взяли в аппарат Михаила Зурабова.

Сошлись во мнении *Разговор с участковым врачом*

Первый заход

Под лопаткою после полудня заныло, немного погодя и в загрудине сжало, закололо. Однако «скорую» не стал беспокоить, обошелся подручными средствами. Когда же боль отпустила, поплелся в поликлинику, к своему терапевту. В очереди оказался последний. Только через час с небольшим переступил наконец порожек.

После неторопливого прослушивания и постукиваний – по груди, по спине – доктор обронил: «Ваше состояние, милейший, соответствует возрастной планке».

Это был комплимент. Я не знал, как благодарить эскулапа за внимание. Как вдруг... по сценарию невидимого режиссера, в московском небе загрохотало, засверкало, и следом хлынул благодатный летний ливень.

Решили шальную грозу переждать. Не торопясь, заварили чаек. Хотя и мало были знакомы, разговорились. По старой привычке я не расстаюсь с диктофоном. Открыто выложил аппарат на стол, да вскоре о нем и забыл. Говорили же не о женщинах и не о футболе. Рассуждали мы с Олегом Федоровичем Федоряевым вкрявь и вкось о житейском, впрочем, имеющем прямое отношение к ведомству Гиппократата.

Н.П. Народ все чаще, негромко, вполголоса, корит отечественную медицину. Говорят о равнодушии персонала, о корыстолюбии. Между прочим, еще и о том, что люди в белых халатах с большим старанием, прилежанием лечат успешных, богатеньких... Есть в этом нечто анафемское... Говорю не с чужих слов, отец мой тоже был врач участковый. Знаете, как он бросил курить? В дурной привычке его в сердцах упрекнул наш сосед, страдавший бронхитом.

О.Ф. В вашем перечне добродетелей вы не сказали о душевности. Нынче черствость заполонила человеческие души... Помню, перешагнув порог Одесского мединститута, я остановился пораженный перед бронзовой плитой на стене. На ней огненно сияли слова: «Болезнь лечится не только лекарствами, но и душою самого болящего». Знаете, чьи слова? Не угадаете – Вересаева. Только много лет спустя постиг я смысл сказанного... Лечение идет успешней, если больной безотчетно верит своему Лекарю. Вместе с тем вера его укрепляет волю врача, подымает дух – и он готов до последнего мгновенья сражаться за спасение своего подопечного ДРУГА... Моя вера в успех передается больному, мобилизует его внутренние ресурсы, энергию. Больной очень нуждается в вере своего спасителя – улавливает ее в голосе, в глазах, в мимике врача; в то же время замечает малейшие колебания, сомнения. Обычно он это черпает из встречного взгляда.

Н.П. Говорите, продолжайте...

О.Ф. Но для таких импульсов у нашего брата времени не хватает. На каждого входящего во врачебный кабинет отпущено, согласно инструкции, всего-навсего десять минут. Добрая половина тратится на писанину, на оформление рецептов. Теперь появились компьютеры, но рядовым участковым они недоступны. А ведь нужны, как воздух! В прошлом веке было известно полтора десятка «ходовых» болезней: горячка, сухотка (чахотка), простуда, холера, сибирская язва, антонов огонь – потом обнаружили тиф брюшной, сыпной... Теперь мы знаем, что болезней тысяча!

– При этом врач общей практики, как говорил мой отец, обязан знать досконально (по своей склонности, уму) хотя бы о трех-четырех болезнях. В чем-то хотя бы малость быть узким спецом.

– И непременно непрерывно совершенствоваться, не останавливаться в развитии. Следить за наукой, за техническим прогрессом в той области медицины, которую ты выбрал по призванию, по внутренней тяге. Хотя информация нынче дорого стоит. За подписку на ходовой журнал надо сотни рэ выложить. Ну а компьютеры... Эти штуковины у нас имеют лишь трое из полста душ. Потому многие мои коллеги... бегут в медицинский бизнес. Их места занимают поденщики или «многостаночники». Высунув язык, они мечутся меж двумя, а то и тремя работами.

– Я наблюдал этот процесс, когда с перерывами лежал в 61-й больнице. За три года там наполовину поменялся персонал. Во 2-й терапии из прежних остались лишь старшая медсестра да буфетчица на раздаче.

– Идет бессмысленный крутеж. Нет стабильности. Портятся нравы. Ожесточаются сердца... А ведь сердце врача сделано из того же материала, как и у пациента.

– Вот что я заметил, Олег Федорович. Врачи в сельской местности все-таки гуманней, отзывчивей, сердечней, нежели городские.

– К сказанному могу прибавить... Остались еще фанаты на станциях «Скорой помощи»... Три года варился в том котле. У них там как в окопе, на передовой линии. Ситуация постоянно экстремальная.

– И ведь приспосабливаются.

– Много и таких, кого клещами не вытащишь... Лично меня спасало чувство юмора и философское отношение к действительности. В молодости я приобщился к высокой литературе. Запоем читал Монтеня, Монтескье, Шопенгауэра, Ницше, Дидро. Достаточно серьезно относился к такому вроде бы не очень нужному для медика предмету, как диамат. Общие лекции и семинары расширяли кругозор, служили в каком-то смысле гимнастикой для ума.

– Это то, чему не учат в западных вузах. Оттого тамошние спецы узколобы, подчас ограниченные.

– Согласен. Не только советские врачи, а и технари отличались от европейских широтой кругозора. Наши мыслят широко, диалектично, хотя подчас проигрывают в глубине познаний. Россиянам вообще свойственней взгляд на вещи, на жизнь широкого спектра. Потому там, особенно за океаном, на наших специалистов до сих пор большей спрос.

– Вас прельщает частная практика?

– На то нужен соответствующий склад ума: коммерческий. Я же не люблю барахолки. В принципе.

– Сейчас много говорят о медицинских фирмах частного формата. Туда будто бы идут яркие личности.

– Пусть идут. Это так называемые шустряки, люди энергичные, желающие иметь не только кусок хлеба (символический!), сверху еще и такой же слой масла... Меня же воротит от гамбургеров.

– Побывав раз за разом в нескольких клиниках, я понял, что отечественная медицина сама сильно больна. Результат – высокая смертность. Об этом сами медики, особенно высокое начальство, не любят вдаваться в подробности. Мужчины редко дотягивают до пенсионного возраста. Тому нет оправданий.

– Это горе, позор и стыд. Вина же врачей в губительном процессе убывания этноса – чисто символическая. Да и как бороться за жизнь обреченных, ежели они сами себя не берегут. Образ жизни наших соотечественников, как правило, выходит за рамки разумного. Только тогда, когда обреченный оказывается у роковой черты, умоляет врача: «Спасите!» Но я ведь вправе задать встречный: вопрос: «Где ты, мил человек, раньше-то был?» Ведь здоровье, как и честь, надо беречь смолodu. Может, жестоко, но справедливо. И другим поучительно.

– Тезис сей нынче в ходу, муссируется в разной связи и без повода... Администрация, власти таким образом снимают с себя ответственность за беды и горести народа. Придумана

соответствующая формула: «Всяк сам делает свой выбор». Да, сознание наших людей по-прежнему советское, коллективистское. Разными способами нам в мозги втемяшивали: ради блага Родины себя не жалеи! Потому-то смело шли в огонь и воду... Зато, когда человек попадал в беду, было ему трудно, всяк в душе был уверен: государство не оставит его в одиночестве. Тем более, если дело касалось здоровья. Первыми на подмогу являлись врачи.

– Вы правы. Медицина была без прикрас народной. Врачи пользовались глубоким уважением, а то и поклонением... Конечно, себя не жалели, были в общей массе подвижниками. Такое существовало общее настроение в обществе. Тут вполне подходит слово «жертвенность». Вслух это не высказывалось, хотя всяк в душе его носил.

– Может, прозвучит выпрєнне, но ведь был реальный факт той жизни: наряду с передовиками производства портреты медиков помещали на Доски почета.

На доньшке моей памяти сохранился мальчишеский эпизод. В книге для чтения школяров второго класса заверстан был такой рассказец... В глухом сибирском поселке (с точным адресом) в семье геолога заболел единственный ребенок: тяжелый случай дифтерита. Обезумевший от горя отец шлет в Москву, в Кремль, на имя Сталина телеграмму-молнию: «Спасите сына. Обещаю воспитать его таким, как Чкалов». В тот же день в таежную глухомань вылетела бригада врачей. Малыша спасли. И это жизнь, а не кино в формате сериала.

Однажды я об этом писал, но снова повторяюсь... Несмотря на великие потери на фронтах и в тылу за 1941 – 1945 годы, население в СССР прибывало. Теперь же за десятилетие «мирных реформ» число соотечественников снизилось со 150 миллионов (контрольная цифра 1991 года) до 145 миллионов в двухтысячном. Ведь жуть берет... Как вы этот показатель прокомментируете как врач?

– Друг мой, тут же неразрывный узел проблем, гордиев узел. Теперь ведь тоже идет великая война, никем не объявленная, но не менее кровопролитная. Идет война народная, под умопомрачительный грохот мегаваттных колонок, визгливых рок-музыкантов. Тут же по соседству – пластаются в корчах нашприцованные наркотиками чуваки и чувихи. Цвет нации чахнет в тюрьгах; юноши и девицы погибают от недоедания и безобразного образа жизни, теряют человеческий облик. А сколько судеб исковеркала проклятая чеченская война, одна и другая... К тому надо приплюсовать десятки тысяч наших сограждан, которые из-за безысходности положения не находят для себя ничего лучше... суицида. Мы тут мировые лидеры.

Нация себя не щадит, не бережет, что противоречит не только законам социальным, но и биологическим. В природе нечто похожее случается, когда животные оказываются перед неминуемой катастрофой: в некоем ареале или в глобальном масштабе. К сожалению, многие наши современники руководствуются безумным принципом: «Бери от жизни все... После нас хоть потоп!». Говоря ученым языком, происходит безумное самоуничтожение популяции... Тот же суицид в планетарном масштабе. «Одновá живем!» – подзадоривают друг друга молодые оболтусы... и без оглядки на мораль и закон срывают цветы удовольствий, будто ради этого они и явились в сей мир. Бездумно расходуют отпущенные Богом годы. Едят, пьют без разбору, лишь бы сорвать пресловутый кайф. Будучи уверенные, в случае «чего», из объятий смерти вытащит «Скорая помощь». Именно на «скорую» обыкновенно уповают испуганные и отрезвевшие. Да вскоре забывают о том, что недавно стояли на краю бездны.

Нам не хватает трезвости, рационализма. Между тем на том же «проклятом» Западе обыватель не так-то и прост: себе на уме. Тому частично содействуют страховые компании. Куришь – плати в двое-втрое больше за лечение. Сибаритствуешь, не занимаешься спортом, ведешь исключительно сидячий образ жизни – снова раскошеливайся: дороже обойдется медицинский полис. Потому-то там всяк себе терапевт... У нас же, повторяю, народ беспечный, рисковый. Вот схема: может, на сей раз нелегкая пронесет, авось кривая вывезет.

Банальная ситуация: частенько вижу своих вчерашних пациентов на улице с бутылкою пива в одной руке и с сигаретой и другой. А ведь накануне он вызывал медработника на дом.

Нет, это не симулянт – это самоубийца... Другая ситуация тоже идиотская: Н., имея на руках больничный лист, ходит на работу, да еще хвастает своим геройством. Прав поэт: умом Россию не понять.

Предвижу возражение: как мы будем себя беречь, ежели даже правительство о своем народе не беспокоится. И будете, конечно, правы. То же самое касается и медицины. Важнейшая отрасль брошена на произвол судьбы. Теперь говорят: при советской власти врачи бедствовали, нам мало платили. Как же теперешнее-то положение определить. Говорю не о материальном положении... Вся медицина – от самого верха до низшей ступени – кем-то весьма искусно поставлена в оппозицию к... народу. Нас постоянно сталкивают лбами, стравливают будто недругов. Мы понимаем, на больных грех обижаться. Однако порой срываемся, после чего казнимся, места себе не находим. Я тоже иной раз с каменным сердцем возвращаюсь домой. Откровенно говоря, что чаще всего, к примеру, пациентов-инвалидов нервирует. Нет четкого порядка выдачи – оформления! – льготных лекарств. Трудно тут подобрать подходящее слово. В целом это настоящая волокита, отнимающая у обеих сторон уйму времени и унижающая человеческое достоинство. В то же время коллектив поликлиники живет под постоянным подозрением всевозможных контролирующих организаций. Ищут криминал, воровство, сговор. Одна представительная комиссия сменяет другую. Работаем урывками.

– Где по-вашему труднее – в поликлинике или в стационаре?

– В больницах все-таки более углубленное отношение к болящему. Зато там остро стоит фармацевтический вопрос, как бы даже не хуже, чем у нас. Богатеньким легче, их вынуждают покупать таблетки и ампулы на стороне... Лаской да таской тот же бронхит не одолеть.

– Лаской да таской – очень точное определение способов борьбы за человеческую жизнь...

Впрочем, не сделать ли перерыв? Соберемся с мыслями и через какое-то время встретимся вновь. Да ведь и дождь давно прошел.

Второй заход

Встретились спустя три месяца. Пришел я к своему доктору, чтобы устно отчитаться о пребывании в стационаре. Олег Федорович внимательно изучил больничный эпикриз. С улыбкой сказал:

– Продолжим лечение.

– За чем и явился к вашей милости... Но поначалу продолжим беседу.

– Вроде обо всем переговорили.

– Мы лишь кончиком пальца коснулись проблемы взаимоотношений врача с пациентами.

– Это же море безбрежное. В его водах утонуть можно.

– Ну вот для затравки факт... В добрые старые времена редакционная почта больших и малых газет, а также журналов наполовину состояла из благодарственных писем, телеграмм от поправившихся больных своим исцелителям. Был еще другой поток благодарностей – на радио, телевидение. Письма в эфир, как правило, заканчивались просьбами: исполнить для доктора (полное имя, отчество, фамилия), а также для медицинской сестры, нянечки и т.д. конкретную музыкальную заявку.

– Ваш покорный слуга не раз был обласкан в эфире. Есть в том нечто чарующее. Но и ко многому обязывает.

– Это можно понять... Теперь же в редакции поступает много критических сигналов. Пациенты сетуют по поводу беспорядков и грубых нравов в медучреждениях. О том же и журналисты пишут.

– Скажу честно: это моя боль. Есть предчувствие, что однажды открою газету и увижу заметку от пациента, которого ненароком обидел или не защитил.

... На днях в руки случайно попала газета «Известия». На последней странице рассказана жуткая история смерти пожилой москвички. Запомнилось имя: Наталья Романовна. Поступила в клинику с диагнозом: нарушение мозгового кровообращения. Со слов сына, вокруг матери возникла склока из-за того, что он «неадекватно отблагодарил благодетелей», которые поначалу хватили лишку. Поняв, что вознаграждение не соответствовало внутреннему тарифу, переменили свое решение... Перекантовали тяжелобольную из блока интенсивной терапии в обычную пятиместную палату, где Наталья Романовна среди ночи скончалась.

Сын попытался разобраться в ситуации. Стучался в кабинеты разных медучреждений. Дошел до горздрава. Теперь вместо матери имеет на руках бумагу, подписанную чиновником весьма высокого ранга... (Цитирую по газете) «Уважаемый Н.Н. Жалоба Ваша рассмотрена. По ней проведено служебное расследование. Факты подтвердились. На лиц, допустивших халатность, наложены дисциплинарные взыскания... Однако смерть больной не связана с выявленными недостатками в работе персонала ГКБ № 79.»

– Если бы искатель стал распутывать клубок дальше, ниточка привела бы его в высокие инстанции. Но ответ был бы точно таким. Ну разве только мысль была бы выражена другими словами. Но то в лучшем случае. Обычно же власть рубит с плеча. Хотите пример. Пожалуйста...

Недавно в многотиражной газете ЗАО «Округа» прочел я открытое письмо руководителю Департамента здравоохранения столицы А.П. Сельцовскому. Так вот там крупным шрифтом было напечатано: «В 2002 году в Москве умерли 130 тысяч человек». А ниже шрифтом помельче набрано: «Уважаемый Андрей Петрович, что делать... Неужели Вы бессильны.»

Глава ведомства продемонстрировал собственную дееспособность. Главный редактор издания вынужден был оставить свой пост. Что касается газеты «Округа», она в корне изменила свой формат. Сильно пожелтела. Стала скучной, пустой.

– В жизни все взаимосвязано. Не зря же генетическая молекула человека имеет вид бесконечной цепочки.

– Олег Федорович, но человек же хомо сапиенс – существо разумное. Мы живем не только благодаря данным природой инстинктам, но и по понятиям, по обычаям, по меняющимся законам человеческого общежития. Опять же есть извечные божьи заповеди. За многовековую историю существования медицины выработаны священные врачебные каноны. Один из которых никогда не утратит актуальности: не убий!

– Мы отошли с вами от края моря разливанного, рискуем сегодня не дойти до другого берега.

– Погодите, дайте не захлебнуться от волны брошенного вами в омут камня.

– Валяйте! И без того мы вышли уже из графика.

– Тогда перекину мостик через океан... В Чикаго всей семьей эмигрировал мой друг М.Х. С трудом они вживались в тот мир. В конце концов приспособились, стали родину забывать... Вдруг – семейку заколебало. Заболел серьезно зять Михаила, человек немолодой, 87 лет. Чтобы не быть домочадцам в тягость, перебрался старче в пансионат для престарелых, где его сразил инфаркт головного мозга.

– Тяжелый случай, шансы мизерные.

– Из богадельни доставили его в клинику, поместили в специальную палату интенсивной терапии. Медперсонал начал круглосуточную борьбу, не рассчитывая при этом на оплату дорогостоящего лечения.

– Неужели спасли?

– Пять или шесть дней парализованного держали у аппаратов искусственного дыхания, искусственного кровообращения, искусственной почки. Иногда умирающий приходил в сознание, видел родных, в его зрачках вспыхивал свет. Лишь когда приборы зафиксировали полную остановку работы мозга, аппараты отключили.

– Ну и что дальше?

– Похоронили эмигранта. После похорон осиротевшие домочадцы пришли в клинику с огромным букетом роз.

– Красивая байка. Однако, дружище, вернемся к нашим баранам: измерим-ка наше давление. (После процедуры...) Ну вот, батенька, сто сорок пять на восемьдесят. Все ваши эмоции отразились на шкале. Учитесь, дружище, управлять своими чувствами. Не распускайтесь по пустякам. Совершенно очевидно: без бета-блокатора вам уже не обойтись. Будем выбирать схему... Поначалу в сочетании с предукталом. Он ценен тем, что действует на клеточном уровне.

– Вы разговариваете со мной на равных, будто с коллегой.

– Мы более чем коллеги. Мы сообщники!

– Врачи обычно играют со своими пациентами в молчанку, боятся проболтаться. А ведь сказано: «Слово лечит».

– Многие боятся, что их НЕ ТАК поймут или же превратно истолкуют.

– Полтора года назад я опубликовал в одной газете очерк. Образно говоря, получился широкоформатный снимок, сделанный с высоты скорбного ложа. Я и половины не высказал того, что прошло перед глазами. Последний абзац заканчивался так: «Сия больница вносит свою лепту в губительный процесс сокращения народонаселения в стране. Процесс называется геноцид».

Боже, какой шум поднялся в чиновных апартаментах. Мне грозили судом, что я-де нарушил закон «О печати», выдал страшную государственную тайну. Сгустились тучи и над редакцией, коллективу угрожали великими штрафными санкциями. И наверняка осуществили бы кару... Нас поддержал только что вступивший в должность новый президент страны. Всем на удивление, с трибуны Совета Федерации В.В.Путин огласил тезис: России угрожает геноцид!

И уж тут-то все чиновники от медицины дружно закивали головами, как болванчики, хваля Владимира Владимировича за откровенность, за честность, прямоту.

– Теперь и я начинаю своего старого пациента побаиваться... Слово не воробей, вылетит – не поймает. Тем более что между нами на столе еще и диктофон лежит.

– Будьте спокойны. Кто же тогда меня врачевать будет! Кстати сказать, после той публикации я еще трижды отметился в клиниках. Последний раз лежал в 51-й больнице. Да вот же и эпикриз перед вами. Но на этом листе не зафиксировано то, что прошло перед моими глазами. Например, борьба омонцовцев с бомжом, который попал в Первую терапию «по ошибке», ибо ему законом определено место на скамейке или в кустах возле станции метро... Туда его люди с автоматами и в пуленепробиваемых жилетах быстренько спровадили.

Еще был уморительный случай... В нашу палату (общую) по ошибке поместили аристократа из столичного бомонда. Для него был заказан «люкс», но дежурная спросонья перепутала места – сноб попал в компанию «совков». Оказалось, что вип-больной был под большим бодуном. Проснулся Т. среди ночи по малой, так сказать, нужде. Сделал два шага, стал мочиться на голову соседа. Тот не сразу сообразил, что деется. Когда ж дошло, закричал благим матом и с кулаками набросился на клубного хулигана. Тут персонал разобрался в ситуации. Т. подхватили «под вицы» и увели в одноместную палату. Пострадавший сосед хотел было требовать компенсацию за моральный ущерб, но заведованием популярно объяснила крикуну: случившееся надо понимать как бесплатный сеанс уринотерапии.

– И смех, и грех.

– Еще своими глазами видел я, как уходят из жизни... Вы видели это.

– Множество раз. Врачам приходится освидетельствовать сам факт смерти, оформлять соответствующие документы.

– Я имею в виду... последние мгновения угасания человеческой жизни, как бы мерцание свечи. На моих глазах отлетела в космос солдатская душа моего соседа по палате – фронтовика

Ивана Ивановича Трусова. Несколько дней он не принимал никакой пищи. Большею частью лежал на спине, непрерывно почесывая правый бок. Был задумчив. Похоже, предчувствовал свой конец.

После обеда встретил Ивана Ивановича в туалете. Сидел он на подоконнике, курил. Увидел меня и почему-то застеснялся. Потупившись, обронил: «Захотелось вот... напоследок табачком побаловаться... Извините». Когда я выходил вон, снова ко мне обратился: «Если вас не затруднит, прошу очень... Пока не уберут... не унесут из палаты... перекрестите раба божьего напоследок». Меня оторопь взяла: что за разговорчики! Не иначе как у бывшего фронтовика нервишки расшалились. Надо бы принять успокоительное.

Помню, день был воскресный. В ординаторской сидела одна лишь дежурантка, ломала голову над кроссвордом. Косноязычно передал разговор в туалете. Докторша посмотрела на меня удивленно, будто рядом человеческим голосом заверещал сверчок. Растягивая слова, изрекла: «Идите-ка, больной, в свою палату. – Смерив меня с ног до головы брезгливым взглядом, прибавила: – Не мешайте, пожалуйста, работать».

– Олег Федорович, ответьте, откуда такие кадры берутся?

– Из жизни, мил человек, берутся, из жизни... Вы только оглянитесь окрест.

Нелирическое отступление

Никогда не забуду ту ночь... Против окон палаты высился фонарный столб. Свет четким прямоугольником лежал на соседской постели, высвечивая малейшие складки, вмятины. По случаю выходных палата наполовину опустела: остались только неприкаянные да самые тяжелые.

Иван Иванович теперь лежал на боку, в позе младенца в материнской утробе. По-прежнему почесывая тело вблизи диафрагмы. Тут до меня дошло: старик помирает. Сигнализация, как обычно, не работала. Своим ходом отправился за доктором. Ординаторская оказалась на замке. Постучался, громко подал голос. Ответом было молчание. Возвратился в палату. За это время Иван Иванович переменял положение: лежал пластом на спине; зрачки устремлены в потолок; той же рукой механически почесывал все тот же бок. Был третий час ночи.

Очнулся я от подозрительной тишины. Уличный фонарь к тому времени погас, в палате же было не то что светло – скорее сумрачно... Потянуло к окну... Что еще за чудо! Прилегающий к больничному корпусу парк снизу доверху засыпало снегом, хотя по календарю был май. Всмотревшись пристальней, понял: это ж черемуха зацвела... Вернулся к постели, хотел было свежей новостью поделиться с соседом, порадовать беднягу... Глянул на Ивана Ивановича и понял: вместо него осталось нечто. Меня «обожгли» холодом оловянные, устремленные в космос покойницкие зрачки. Спину вдруг морозом ожгло.

На сей раз в дверь ординаторской забарабанил я двумя кулаками. Закричал что было духу: «В четыреста тридцать четвертой покойник!»

Бегом вернулся назад, чтобы до прихода медперсонала совершить над усопшим крестное знамение. Потом по собственной уже инициативе поднялся на пятый этаж (там в холле была устроена молельная) и возжег у иконы Спасителя поминальную свечу.

Госпитальную новеллу сбивчиво пересказал я Федоряеву, чем сильно растрогал своего участкового. С минуту или даже больше кабинет был погружен в тишину.

Как будто издали донесся голос Олега Федоровича:

– Мементо мори! – говорили древние римляне. Подтекст максимы таков: рационально расходуйте отпущенное судьбою время; разумно, терпимо относитесь друг к другу, берегите собственную душу. Возможно, только что сделанный вами шаг – последний... Мементо мори! Отсюда и повышенная ответственность за каждый свой поступок и решение.

– Это немного другое.

– Почему? Это ваш же тезис... Я же развиваю его с другой стороны... Уход из – жизни логическое завершение юдоли на земле. Готовиться же к тому надо исподволь, всю жизнь. Причем совершенствоваться, каяться до последнего своего издыхания.

– Принимаю в целом. Попутно рискую у доктора спросить: вы верите в загробную жизнь?

– Ох-хо-хо! Из моря-океана не выбравшись, тянете меня в омут... Отвечу коротко: человеку необходимы тайны, особенно для души. Без тайн людям скучно. Той же задаче служат и церковные тайны, таинства... Это в каком-то смысле узда на наши страсти.

– Весьма оригинальная трактовка. Тогда вопрос на засыпку: душа материальна? Один знакомый патологоанатом, будучи совершенно трезвым, признался: человеческая душа имеет массу. Товарищ нашел способ ее измерить... Так вот, душа весит 22,7 грамма, не больше и не меньше.

– Вопрос путаный, сложный, неоднозначный. Сегодня не готов его разбирать, к тому ж в служебной обстановке.

– Помните, у летчиков была развеселая песня. А в ней слова: «Мне сверху видно все, ты так и знай!». А что видит обычный доктор со своей колокольни, со своей позиции?

– Пусть пациенты мои не обижаются... Скажу, как на духу. Восемьдесят процентов из них страшно ленивы, беспечно относятся к собственному здоровью. Это черта национальная, чисто русской натуры. Едва ли не сакраментальная врачебная фраза у постели безнадежного больного: «Почему не обратились ко мне немного раньше?». В больших городах медики могут еще как-то помочь оказавшимся на грани... Но сами-то, дорогие мои, не теряйте золотое время. Ведь лучше профилактики лекарства нет! Помнится, в Одесском мединституте ходила притча о лекаре при дворе японского императора. Докторам платили зарплату, пока хозяин Киото был здоров. Но лишь заболел, ни гроша на руки не давали... Так что да здравствует профилактика!

– Попутно у меня к вам сугубо личный вопрос: как болезнь отражается на лице человека? Ну и заодно на походке, в поведении.

– За годы врачебной практики пришел я к выводу: всяк сам выбирает свою болезнь. Правда, существует еще и некая проекция. При всем том каждому уготована не только судьба, а и смерть. На сей счет и поговорка есть: «Утопленник не мог быть повешенным». Как это в жизни происходит, как складывается. Например, у Ивана Ивановича обнаружилось некое заболевание. Надо меры принимать, лечить, пока недуг не запущен. Однако Иван Иванович от лечения всячески уклоняется, ссылается на какие-то неотложные дела, на неудобные обстоятельства. В сущности – безвольность, безучастность к самому себе... О системном, направленном лечении и речи нет. Поначалу же необходимо было что-то изменить в образе жизни, заодно и в питании.

– Лет десять назад прочел я статью американского ученого-психолога под сногшибательным названием «Добровольное» стремление к смерти». Так что ваши рассуждения на сей счет не новы.

– Я и не претендую на авторстве идеи. И могу повторить всем давно ведомое: здоровье – это большая работа каждого, великий труд. В конце концов сложная и неустанная борьба... Человек должен всю жизнь, все время, изо дня в день вкладывать в нее свои силы, личные средства. У нас же многие на собственное здоровье смотрят как на подарок судьбы. И не более. А надо бы быть... Плюшкиным: быть скупым, бережно расходовать собственный ресурс... Вот где нужна воля человека. Таким образом даже хилый от рождения или в молодости по глупости подорвавший свое здоровье, ведя разумный образ жизни, может «протянуть» и восемьдесят, и девяносто лет. Пример тому – судьба Льва Николаевича Толстого, который в младенчестве был обречен. Но выжил, более того, стал долгожителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.